

Шумная процессия, вооруженная партой и стулом Чэнь Хэсуна, торжественно проследовала по коридорам к блоку двенадцатых классов.

Устроив Хэсуна на его законном месте, Чжу Цинчэнь отдельно подозвал нескольких самых рослых учеников и попросил их присматривать за товарищем. Те с готовностью пообещали, и наставник, удовлетворенный ответом, ободряюще похлопал их по плечам.

Но в глубине души он не удержался от вопроса:

«Система, чем сейчас кормят детей? Почему они все на голову выше меня?»

[А кто велел тебе целыми днями хлебать молочный чай? — съязвила та. — От него люди только коротышками становятся!]

— ...Чувствую, ты нагло мне врешь.

Во второй половине дня школа созвала экстренное общее собрание, на котором официально объявили о наказании Хэ Юя и его пособников. Хотя имя жертвы не называлось, все, кто был мало-мальски знаком с ситуацией, прекрасно понимали, о ком идет речь.

Чжу Цинчэнь поднялся на трибуну.

— Надеюсь, этот случай станет уроком для всех нас. Ученики не должны бояться просить о помощи и пресекать насилие. А учителя обязаны защищать своих подопечных, навсегда отбросив пагубную привычку «терпеть и закрывать глаза» ради ложного спокойствия. Мы объявляем нулевую терпимость к школьной травле и вместе построим место, где каждый будет чувствовать себя в безопасности.

Стоя в толпе, Чэнь Хэсун восторженно смотрел на своего наставника и аплодировал так сильно, что ладони горели. В этот момент он впервые почувствовал: вековая тьма, окутывавшая его жизнь, рассеивается, и на него наконец-то падает чистый, теплый луч света.

Слух об инциденте разлетелся по школе мгновенно. Хэ Юй и его шайка давно держали в страхе многих; пострадавших от их «случайных» выходов было предостаточно. Видя, что агрессоры получили выговоры и даже угодили под арест, другие ученики тайно ликовали. Теперь они знали: защитить себя — реально, а полиция — не пустой звук. Атмосфера в школе заметно оздоровилась.

Месяц спустя Хэ Юй и его прихвостни вернулись к занятиям. Они застыли в одном шаге от исключения, а дома им устроили такую головоломку, что желание лезть на рожон отпало само собой. Родители строго-настрога запретили им позорить семью и велели тихо доучиться эти два года, чтобы получить аттестат. Притихшие хулиганы при встрече с Чэнь Хэсуном больше не задирали нос, а старались поскорее прошмыгнуть мимо, опустив глаза.

Хэсун же выкинул их из головы. Он с головой ушел в учебу, чувствуя в себе неисчерпаемый запас энергии.

Одним солнечным утром юноша повторял английские слова в школьном коридоре. Вдруг тишину нарушил тихий голос:

— Брат.

К нему, словно ядовитая змея, бесшумно скользнул Хэ Юй с термосумкой в руках. Хэсун от неожиданности вздрогнул и невольно отшатнулся. Он захлопнул книгу и до боли сжал кулаки, заставляя себя успокоиться.

«Я его больше не боюсь, — твердил он себе. — Я уже один раз обвел его вокруг пальца. Он — преступник, а не я. Наставник Чжу скоро придет, мне нечего бояться»

Юноша поднял голову и холодно спросил:

— Что тебе нужно?

Пятнадцать дней в изоляторе не прошли для Хэ Юя бесследно. Он осунулся, скулы болезненно выпирали, а во взгляде притаилась мрачная тень. Однако при виде Хэсуна в его глазах вспыхнул странный, почти азартный огонек.

Поскольку они учились на разных этажах, если не искать встречи намеренно, они могли не видеться неделями. Хэ Юй протянул сумку:

— Мама приготовила тебе завтрак.

Хэсун взглянул на знакомый пакет. Когда он только попал в дом Хэ, Хэ Юй бросил фразу: «Обожаю завтраки, которые готовит брат», — и Хэсуну пришлось вставать к плите каждое утро на протяжении десяти лет. Иногда тот не успевал поесть дома, и мать заставляла Хэсуна упаковывать еду и нести её в школу.

В ту самую сумку.

— Не нужно, — отрезал Хэсун. — Я уже поел.

Будь то запоздалое раскаяние матери или очередная игра Хэ Юя — ему это было не нужно. Юноша не понимал, чего они добиваются. Когда он был покорным и тихим, его втапывали в грязь как мусор. Стоило ему дать отпор, как они вдруг начали лебезить. В искренность их чувств он не верил ни на йоту — у этих людей всегда был скрытый мотив.

Даже если мать сейчас и чувствовала вину, Хэсун знал: новые брендовые сумки и платья от кутюр быстро выветрят эти мысли из её головы. Нужно просто подождать. Он взглянул на часы, взял учебник и отошел в самый дальний угол коридора. Он уже потерял две драгоценные минуты.

Хэ Юй не стал преследовать его. В этот момент подросли одноклассники Хэсуна. Увидев незваного гостя, они мгновенно окружили товарища плотным кольцом, вытесняя агрессора к лестнице.

— Ты чего здесь забыл? Выговора мало? Исключения захотелось?

— Школа ясно дала понять: тебе и твоей семейке запрещено приближаться к Хэсуну. Проваливай!

Тот оставил сумку на перилах и под градом возмущенных криков скрылся с этажа. Хэсун благодарно улыбнулся ребятам:

— Спасибо, я в порядке.

— Да не вопрос! Будет лезть — зови нас!

Прозвенел звонок на самоподготовку. В коридоре показался Чжу Цинчэнь с учебниками и термосом, полным ледяного чая. Заметив бесхозную сумку на перилах, он заглянул в класс и повысил голос:

— Чей завтрак снаружи? Я же говорил: никакой еды в кабинетах, не хватало нам еще крыс развести!

В классе воцарилась тишина. Хэсун молча вышел в коридор и отправил термосумку прямым в мусорное ведро.

— Простите, учитель. Больше не повторится.

[Удивительно, — подала голос Система. — А я-то думала, он расчувствуется]

— С чего бы это? — не понял Цинчэнь.

[Ну как же! Первое правило «крематория»: гун-мерзавец впервые сам готовит завтрак, превращая кухню в хаос. Шоу для вида воротит нос, но в душе тает от нежности и съедает всё до крошки, оправдываясь тем, что «нельзя выбрасывать еду»]

— А если Хэ Юй его отравить решил? — Цинчэнь нахмурился. — Пичкать человека тем, что он не хочет — вот это настоящий перевод продуктов. К тому же, по-моему, Хэсуну стоит больше ценить заботу поваров из нашей столовой.

Он отвинтил крышку термоса, украдкой отхлебнул чая и строго добавил:

— Чтобы в последний раз.

Хэсун послушно кивнул:

— Я понял.

Как и ожидал юноша, раскаяния матери хватило меньше чем на пять дней. На пятое утро она пришла к школьным воротам и подслала Хэ Юя позвать его.

В это время Хэсун был занят заучиванием новых слов. У него был строгий график: ровно в семь утра он должен был выучить определенную норму. Пропустишь сегодня — завтра накопится вдвое больше. Поэтому он не вышел.

Мать прождала минут десять и уехала. На этом «завтраки искупления» закончились. Вся эта нелепая попытка разыграть семейную драму теперь вызывала у Хэсуна лишь горькую усмешку.

Его учеба окончательно вошла в колею. Без бесконечных домашних дел и издевательств он мог посвящать книгам по десять-двенадцать часов в сутки. Юноша чувствовал, что вполне способен поднять свой итоговый балл еще пунктов на сорок! Он приклеил записку с целью на край стола и начал пахать как проклятый.

Чжу Цинчэнь, проходя мимо, взял ручку и добавил в его расписание один пункт:

[17:40-18:00 — пробежка в спокойном темпе]

— Слушай учителя: в здоровом теле — здоровый дух. Крепкие мышцы тебе не помешают.

Наставник считал, что ученик должен обладать не только силой ума, но и физической мощью. Чтобы в случае чего — раз, и эффектный бросок через бедро.

— Слушаюсь, — Хэсун дисциплинированно кивнул.

У двенадцатиклассников была шестидневная учебная неделя, и лишь воскресенье оставалось выходным. Разумеется, Хэсун не отдыхал, пропадая в библиотеке.

Чжу Цинчэнь в это время тоже занимался самообразованием во дворе учительского общежития. Он учился... управлять электровелосипедом.

Прожив в современном мире несколько дней, он осознал, как неудобно здесь без кареты. Он заметил одну отличную лавку с жареной курочкой, но та была на другом конце района, и на автобусе туда пришлось бы ехать с тремя пересадками!

Цинчэнь натянул шлем и решительно сжал руль:

— Сегодня я его покорю.

Система парила рядом:

[Вчера ты говорил то же самое]

— Вчера я просто был недостаточно серьезен.

[И позавчера тоже]

— ...Замолчи.

Чжу Цинчэнь был мастером во всем: он безупречно писал эссе, виртуозно преподавал и прекрасно играл на цине. Но вот с координацией движений у него была беда — равновесие он держал из рук вон плохо. Электровелосипед не поддавался ему уже неделю.

Наставник поправил шлем, вцепился в рукоятки и уставился вперед взглядом, полным решимости.

[Так, хорошо, держи баланс! — подбадривала Система. — Поздравляю, ты проехал целых десять сантиметров! Ты уже обошел девяносто девять процентов моих предыдущих носителей!]

Цинчэнь притормозил, выставив ногу:

— Правда? Я и впрямь так хорош?

[Конечно. Потому что остальные просто садились и ехали, им не приходилось этому учиться]

— ...

[Чего встал? Езжай дальше! Давай, газу!]

— Ох... — Цинчэнь крутанул ручку и, виляя из стороны в сторону, медленно двинулся вперед.
— Знаешь, тебе стоит быть помягче. Побольше похвалы, понимаешь? Может, я не могу научиться именно потому, что ты на меня давишь.

Система мгновенно переключилась на тон воспитательницы детского сада:

[Умничка! Продолжай в том же духе! Ой, уже двадцать сантиметров!]

[Пятьдесят!]

[Целый метр!]

В виртуальном пространстве даже сработали хлопущки.

[Ох, мой маленький носитель, ты просто супергерой!]

Цинчэнь остановился, вытирая пот со лба, и достал из корзинки любимый напиток.

[И это всё? На сегодня занятия окончены?]

Цинчэнь вскрыл баночку:

— Езда на этом звере отнимает слишком много сил. Награжу себя молоком «Ванцзай».

[Ты всё большеходишь на современного человека. Чуть что — сразу награда]

— Это значит, что я успешно интегрируюсь в общество. Глоть-глоть-глоть...

После недели тренировок и одного ударного утра Чжу Цинчэнь наконец решил, что готов к выезду в город. Цель — ужин в той самой лавке с жареной курицей. Перед отправлением Система заставила его пять раз посмотреть обучающий ролик о правилах дорожного движения.

Цинчэнь показал жест «Окей»:

— Без проблем, я всё усвоил.

[У меня дурное предчувствие] — проворчала Система.

— Всё будет в лучшем виде. Погнали!

Он выехал пораньше, чтобы не попасть в час пик. Людей на улицах было немного, и Чжу Цинчэнь, не спеша, начал осваиваться на дороге. Оказалось, это действительно удобно: путь, который на автобусе занял бы полчаса, он проделал... за двадцать восемь минут!

Система превратилась в хмурый шарик:

[Автобус — тридцать минут, велик — двадцать восемь. Великая победа, ничего не скажешь]

Цинчэнь уверенно снял шлем и тряхнул волосами:

— Две минуты разницы! Это же огромный срок!

[Твое дело]

Наставник был в прекрасном расположении духа. Зайдя в лавку, он привычно крикнул в сторону кухни:

— Хозяин!..

Тот отозвался, не глядя:

— Как обычно, полпорции?

Владелец уже запомнил постоянного клиента и его скромные аппетиты.

— Нет, — важно возразил Цинчэнь. — В этот раз — целую курицу! Я ехал сюда на велосипеде, расход энергии был колоссальный, нужно восполнить запасы.

— Будет сделано!

Система: [?]

«Какие "никаких проблем"? Тут сплошные проблемы! Он приехал на две минуты раньше и сожрал в два раза больше — это не человеческий метаболизм, это какая-то ошибка в расчетах!»

Чжу Цинчэнь уселся за столик, соорудив из салфетницы трон для Системы:

— Присаживайся.

«Он ест слишком много!»

«Но он первый, кто сделал мне трон...»

«Он едет слишком медленно!»

«Но он первый, кто сделал мне трон...»

«У него на всё есть оправдание, лишь бы поесть и попить!»

«Но! Он! Первый! Кто! Сделал! Мне! Трон!!!»

Система послушно подлетела к столику: [Я здесь]

Перед Чжу Цинчэнем поставили целую гору дымящейся, золотистой курицы. Пряный аромат заставил его блаженно зажмуриться. Натянув перчатки, он принялся за распределение соусов:

— Эту сторону обмакнем в медово-горчичный, а эту — в кисло-сладкий...

Он оторвал сочную ножку, окунул в соус и отправил в рот.

— О-о-о... — Цинчэнь даже слегка обжегся и смешно задышал, остужая еду. — Сразу видно, современная курица. Она словно всё еще дрыгает ножками у меня во рту!

[...] — Система застыла. — [Я же просила тебя поменьше сидеть в интернете. Что за чушь ты опять там вычитал?]

— Это не чушь, а крылатое выражение!

Съев половину, Цинчэнь велел упаковать остатки с собой — для перекуса под мультфильмы. Чтобы комплект был полным, он заехал за стаканом молочного чая. И вот, Чжу Цинчэнь катит на своем «электроконе»: на левой ручке — курица, на правой — чай, а лицо обдувает теплый вечерний ветер. Система устроилась в корзинке.

[Так, давай угадаю. Ты съешь курицу, у тебя останется полстакана чая, и ты закажешь еще курицу]

[Потом ты допьешь чай, у тебя останется кусок курицы, и ты купишь еще чая]

[И так, пока не превратишься в вечный двигатель]

Цинчэнь восторженно округлил глаза:

— Как ты догадалась?

[Ты серьезно?!]

— Ну да. А что, нельзя?

[Нельзя! Очнись! Ты губишь свое здоровье, неудивительно, что в прошлой жизни ты так рано помер!]

— Наглая ложь, я был бодр и полон сил. Когда Ли Юэ был рядом, он каждое утро заставлял меня тренироваться. Иначе откуда бы я знал, как гонять учеников?

[И как же ты тогда умер?]

— Ну... — Цинчэнь замялся. — Ли Юэ ушел на войну, а я... ну, немножко расслабился дома и перестал заниматься.

Система: [?]

По настоянию Системы Чжу Цинчэнь припарковал велосипед за квартал до школы и пошел пешком. Система вывела на свой экран лозунг:

[Кто после ужина гуляет — до девяноста доживает!]

— А кто после ужина вертит хвостом — дотянет до ста, виляя потом!

[Движение — это жизнь!]

Чжу Цинчэнь, пошатываясь от сытости и неся в руках свои трофеи, лениво плелся по тротуару:

— Помолчи.

Система летала вокруг: [Давай-давай! Еще немного!]

Цинчэнь свернул на улицу, примыкающую к задней стене школы, и тут ему навстречу вышли трое парней. Вид у них был лихой и придурковатый, а в позах читалась явная враждебность. Было очевидно: они ждали именно его.

Система мгновенно замолкла: [Давай...]

Цинчэнь попытался невозмутимо пройти мимо, но один из парней преградил ему путь длинным зонтом-тростью.

— Наставник Чжу, пройдемте-ка с нами.

Внутри зонта явно прятался железный прут — Цинчэнь это почувствовал. Мозг его заработал с лихорадочной скоростью.

«Хэ Юй? Хэ Фэн? Или Чжоу Чун?»

Хэ Фэн был под следствием, Чжоу Чуна уволили — им сейчас явно не до него. Неужели Хэ Юй?

Хулиганы не отвечали на вопросы, лишь сухо повторяли:

— Идем, учитель.

Они начали теснить его, тыча зонтом в плечо и загоняя в темный переулок. Перед тем как скрыться в тени, один из них достал рогатку и точным выстрелом разбил камеру наблюдения.

Этот жест мгновенно всё прояснил: их нанял Хэ Юй. Он уже обжегся на камерах, поэтому в этот раз не стал светиться сам и велел в первую очередь избавиться от «глаз».

Цинчэнь заставил себя успокоиться. Отступая, он спросил:

— Сколько он вам заплатил? Десять тысяч? Двадцать? Сто? Я дам вдвое больше. Подумайте сами: я — официальный учитель государственной школы. Если со мной что-то случится, это будет во всех новостях, и Хэ Юю не отвертеться. Через улицу — отделение полиции, Хэ Юй оттуда только вышел. Хотите занять его место?

Пока он тянул время, его пальцы в сумке нащупали телефон. Он попытался незаметно набрать номер полиции, но в темном переулке экран вспыхнул предательски ярко. Повисла неловкая пауза. Парни переглянулись.

Один из них резким движением зонта выбил сумку из рук Цинчэня.

— Наставник Чжу, вы нас за слепых держите?

Цинчэнь сглотнул:

— Нет...

Вещи рассыпались по земле. Он дернулся было за телефоном, но его уже прижали к самой стене в глубине тупика. Цинчэнь внешне сохранял спокойствие, хотя внутри у него всё дрожало:

«Система! Быстрее, звони в полицию!»

[Не могу! Я не имею права напрямую вмешиваться в дела малых миров!]

«Какие еще правила?! Меня сейчас убивать будут! Вмешайся хоть разок, спаси своего носителя!»

[У меня сим-карты нет!]

— ...

На Систему надежды не было. Цинчэнь аккуратно отставил в сторону курочку и чай, закатал рукава, обнажая свои тонкие руки, и встал в боевую стойку.

«Ничего, — шмыгнул он носом, подбадривая себя. — Ли Юэ учил меня кое-каким приемам. Всё будет хорошо!»

[Вот это настрой! — выдохнула Система. — И чему же он тебя научил?]

Цинчэнь твердо ответил:

— Оздоровительному комплексу Уцинъси — «Играм пяти зверей»!

[Я... я не уверена. Разве это для реального боя? Название звучит как-то...]

«Должно сработать, — Цинчэнь вытер нос. — Ли Юэ говорил, что я выгляжу очень круто, когда выполняю эти упражнения. И вообще, я однажды победил старого генерала вражеской армии!»

[Серьезно?!]

— Еще бы!

Наставник принял исходную позицию: ноги на ширине плеч, руки расслаблены, дыхание ровное...

Светящийся шарик склонился набок, наблюдая за ним:

[Ты это серьезно? Что ты делаешь?]

— Начальную форму! — резонно возразил Цинчэнь. — Не беспокойся, удар будет сокрушительным. Отойди подальше, чтобы тебя не задело.

[О... ладно]

Язык к небу, руки плавно вверх... Движения были медленными, грациозными, исполненными гармонии, словно за спиной Чжу Цинчэня зазвучал невидимый цинь.

В следующую секунду хулиган взмахнул зонтом, обрывая танец:

— Хватит тут цирк устраивать!

Ритуал был бессовестно прерван. Цинчэнь растерянно моргнул и прошептал:

— Система, кажется, я с ними не справлюсь.

[Ты же говорил, что победил генерала! — вскричала та. — Ты что, избил столетнего старика?!]

«Нет... на тренировочной площадке я победил Ли Юэ, а Ли Юэ на поле боя победил того генерала... — голос Цинчэня в голове становился всё тише. — Чисто математически — я победил генерала»

Система: [???

[Да Ли Юэ тебе просто поддавался!]

— Невозможно! — он запнулся. — Ну ладно, может и поддавался... Он как-то странно хихикал, когда я его "одолевал"...

[Да он сто процентов тебе подыгрывал! А ты и уши развесил!]

Цинчэню некуда было отступить, он буквально вжался в стену:

— Система, что делать?!

[Придется мне вмешаться, — шарик стал пунцовым от напряжения. — Отойди-ка подальше, сейчас будет жарко]

— Понял!

Цинчэнь отскочил в сторону, перехватил валявшуюся неподалеку рукоять от швабры и приготовился к обороне. С тихим свистом Система исчезла.

Цинчэнь запаниковал:

— Система? Ты где?!

В следующую секунду из-за угла донеслось яростное:

— Гав! Гав-гав-гав!

Бешеный лай! Видимо, камеры в этом районе поставили именно из-за бродячих собак. На переулок вылетела рыжая дворняга и зашла в заливистом лае. Цинчэнь недоуменно посмотрел на пса:

— Система?

Та гордо отозвалась в его сознании:

[Да, это я! Ради тебя я готова пойти на преступление против правил!]

Цинчэнь окинул её скептическим взглядом:

— Ты думаешь, они тебя испугаются?

[Ну вообще-то, — засомневалась Система, — этот пес довольно крупный. Для собаки]

«Для собаки — может быть. Но для них...»

Хулиганы, потеряв терпение, замахнулись на пса прутами:

— Откуда эта бешеная псина взялась? А ну пошла вон, пока охрана не сбежалась!

Пес-Система на мгновение замер, а потом припустил прочь:

[Цинчэнь, держись! Я в полицию — за подмогой! Одна нога здесь, другая там!]

Цинчэнь попытался было прорваться вслед за ним, но его грубо толкнули обратно. Видимо, Хэ Юй всё же опасался серьезных последствий и велел лишь припугнуть учителя. Никто из парней не решался ударить первым, они совещались:

— Учитель прав, нам проблемы с госслужащими не нужны. Говорят, он на голову отбитый, еще заяву накатает.

— И че делать? Бабки-то взяли!

— Помурыжим его тут полчаса, для отчета хватит.

Они обступили Цинчэня, медленно сужая круги и время от времени толкая в плечо. Наставник, сжимая в руках обломок швабры, крутился на месте вместе с ними, выжидая момент, чтобы проскочить, но его каждый раз отшвыривали к стене.

Внезапно переулок залил ослепительный свет фар. Цинчэнь прикрыл глаза рукой, ослепленный яркими лучами. У входа в тупик затормозил черный седан. Не дожидаясь полной остановки, с заднего сиденья вышел мужчина в безупречном костюме.

Один из хулиганов направил на него прут:

— Эй, ты че тут забыл? Проваливай, пока цел!

Цинчэнь отчаянно замахал незнакомцу рукой:

— Уходите! Вызовите полицию!

Мужчина проигнорировал его слова. Громко хлопнув дверью, он неспешным, почти ленивым жестом расстегнул запонки, закатал рукава и направился к ним. Хулиганы, почувяв угрозу, двинулись навстречу:

— Слышь, ты, не лезь не в свое дело!

Мужчина не проронил ни слова. Молниеносным движением он выхватил прут у первого нападавшего, одним ударом ноги опрокинул второго, мощным ударом справа свалил третьего, а затем, резко отведя руку, вырубил локтем последнего.

<http://bllate.org/book/15820/1433877>